

ГАРОЛЬД ХЭЗЛОП

„Поминки по Финнегану“ Джемса Джойса¹

Прежде чем говорить о новой книге Джемса Джойса и о том, как она была принята английской прессой и критикой, я считаю полезным ознакомить советского читателя с тем, какой прием встречает в Англии любая новая книга.

В Советском Союзе появление книги писателя такого масштаба, как Джемс Джойс, явилось бы крупным событием в литературной жизни. Газеты и журналы посвятили бы обсуждению этой книги целые столбцы. Видные писатели и критики подробно писали бы о ней. Литературные кружки при клубах и предприятиях обсуждали бы ее. Сам автор, вероятно, участвовал бы в этом обсуждении.

Не так происходит дело в Англии.

Здесь выход любой книги, независимо от ее ценности, можно уподобить рождению больного ребенка. Книга не включается в культурный фонд страны, о ней не говорят, как о событии. Она отдается на милость прессы.

Каждая газета хвалится тем, что в ее штате числится литератор, но лишь немногие из них могут гордиться своим литературным отделом. Рецензии на книги должны отвечать определенным неизменным требованиям капиталистической прессы, а именно: заметка о книге должна быть хлесткой, ничто сенсационное не должно быть упущено, и никто из издателей—постоянных клиентов отдела объявлений — не должен быть обижен. Следо-

вательно, книга, поступающая в редакцию как бы за «путевкой в жизнь», словно входит во враждебный и чуждый ей мир. Независимо от того, насколько крупным является данное произведение, рецензия не должна превышать количества строк, отведенных литературному отделу. Только в том случае, если новинка будет особо злободневной, крайне сенсационной, или если она заслужит осуждение редакции, о ней может появиться специальное сообщение в отделе хроники. Если книга не обещает сенсации, она не вызывает к себе интереса.

Отбор книг, поступающих в редакцию на отзыв, как правило, делается произвольно, но все же в соответствии с указанными принципами. Издатели, регулярно помещающие в газете объявления о своих изданиях, пользуются особыми преимуществами. Что же касается продукции других издательств, то газеты интересуются лишь книгами сенсационного или «пикантного» содержания.

Книгу писателя с именем полагалось бы «подать»; иногда это и делается, но, увы! — на двести книг — двести строк рецензии.

Отобрав книги, газета передает их на рецензию своим присяжным критикам. Гонорар ничтожен, но рецензент может выжать дополнительно несколько шиллингов от продажи книги книготорговцам, которые не настолько щепетильны, чтобы точно придерживаться своего соглашения с издательством. Рецензент уносит пачку книг домой; прочесть их он не успевает, он может их только перелистать. Такая система рецензирования становится своего рода искусством. Пробежав опытным глазом по главам и перефразировав крикливую рекламу на обложке — аннотацию — рецензент ухитряется состряпать довольно сносную заметку.

Я недавно взял у своего приятеля, работающего в одной лондонской газете, новую книгу. Он написал об этой книге восторженную ре-

¹ В статье об ирландской литературе, опубликованной в № 12 «Интернациональной литературы» за 1939 год, Шон О'Кэйси положительно отзываясь о новой книге Джойса «Поминки по Финнегану». Иной отзыв о ней дает в печатаемом здесь письме из Лондона английский писатель Гарольд Хэзлоп, показывающий, как была встречена эта книга некоторой частью англо-американской критики. К оценке книги Джойса редакция рассчитывает вернуться в одном из следующих номеров журнала.

цензию, и я уверен, что многие читатели по его совету приобрели эту книгу. Когда я ухаживал от него с книгой подмышкой, он попросил меня как можно скорее вернуть книгу, так как он еще не успел ее прочитать.

Новая книга Джемса Джойса, естественно, не могла пройти незамеченной. Прежде всего, Джойс слывет оригиналом. Он автор «Улисса». А известно, что «Улисс» имеет бурную историю. Пятьсот экземпляров этой книги были сожжены в Нью-Йорке, четыреста девяносто девять были конфискованы таможенными властями в Фолькстоне; она была в свое время запрещена в Англии; на континенте она разошлась в тысячах экземпляров, и почти каждый человек, интересующийся литературой, возвращаясь из-за границы в Англию, контрабандой провозил экземпляр этой книги. «Улисс» считался не просто непристойной, а порнографической книгой. (Правда, два года тому назад «Улисс» был издан фирмой Бодли Хэд в Лондоне и свободно продается во всех книжных магазинах; но об этом предпочли не вспоминать.) Поэтому, последняя книга Джойса «Поминки по Финнегану» с самого начала была встречена как сенсация.

Газеты не могли пройти мимо этой сенсации. Это было бы преступлением. Нет худшей катастрофы для английского журнала, как прозевать какую-нибудь сенсацию.

Уже давно носились слухи, которые находили время от времени отклик в прессе, что Джойс заканчивает большое произведение, под названием «Работа в движении». Говорили, что Джойс почти ослеп, что он пишет красным карандашом на огромных листах бумаги, что он проделывает какие-то странные манипуляции не только над английским языком, но и над множеством других. И, как будто для того, чтобы утолить нетерпение своих поклонников, Джойс разрешил издать некоторые главы и выдержки из своего романа отдельными выпусками. Смятение достигло апогея, когда появилась глава под заглавием «Анна Ливия Плюрабелла».

Никто, за исключением почитателей Джойса, ничего не понял в этой главе. И эти господа стали устраивать в кабачках района Блумсбэри, где обычно собирается литературная и театральная публика, чтения этой главы; все сходилось на том, что лучше всего передает дух этой главы тот, кто читает ее с самым сильным ирландским акцентом.

Тогда Джойс решил, что лучше всех прочтет эту главу он сам. Одна фирма, изготавливающая граммофонные пластинки, предложила свои услуги, и теперь каждый может приобрести пластинку с текстом Джойса в его собственном исполнении.

Нужно ли удивляться тому, что критики решили не тратить времени на чтение. Они

просто переписали начисто всем известный отрывок из «Анны Ливии Плюрабеллы» и сказали заинтересованной публике: «Что вы думаете об этом? Заумь, не правда ли?»

Вот — выдержка из этой главы, и я могу почти гарантировать, что из всех рецензентов, писавших об этой книге в английской прессе, никто, вероятно, не пропустил случая, чтобы не посмеяться над следующей цитатой¹:

«Can't hear with the waters of The chittering waters of. Flittering bats, fieldmice bawk talk. Ho! Are you not gone ahome? What Tom Malone? Can't hear with the bawk of bats, all them lifefeying waters of. Ho, talk save us! My foos won't moos. I feel as old as yonder elm. A tale told of Shaun or Shem? All Livia's daughter-sons. Dark hawks hear us. Night! Night! My ho head halls. I feel as heavy as yonder stone. Tell me of John or Shaun? Who were Shem and Shaun the living sons and daughters of? Night now! Tell me, tell me, tell me, elm! Nigut night! Tell me tale of stem or stone. Beside the rivering waters of, hitherandthithering waters of. Night!»

Все рецензенты процитировали этот отрывок и тут же осудили книгу.

О новой книге Джойса заговорили повсюду. Она успешно конкурировала по сенсационности с продукцией Голливуда.

Некоторые газеты попытались дать анализ этой книги. Но большинство рецензентов отказалось от этой задачи, открыто признав, что книга выше их понимания. Один из видных английских буржуазных критиков, Роберт Линд, заявил, что это самая непонятная книга Джойса. В этом он ошибался. Это первая непонятная книга Джойса. «Таймс» отнесся к «Поминкам по Финнегану» неодобрительно. Газета «Манчестер гардиан» вышла из положения, процитировав старую ирландскую песню, «Песню про Финнегана», и заявив, что она была глубоко огорчена изданием этой книги. «Дейли телеграф» брюзжал. Книга перешла к еженедельникам.

Я приведу цитаты из двух рецензий, английской и американской, чтобы показать, в какой тупик загнал Джойс своих почитателей.

Лондонский «Обсервер» предоставил почетное место статье небезызвестного ирландского писателя Оливера Сен-Джона Гогарти о книге Джойса. Начав свою статью длинным трактатом о Джойсе как о человеке, он подходит к разбору книги только в конце второго столбца и делает попытку проанализировать книгу Джойса. Он, как и все, цитирует знаменитый отрывок из главы «Анна Ливия Плюрабелла».

¹ Цитаты из книги Джойса, приведенные в письме Хэзлопа, мы печатаем в подлиннике, так как в русском переводе, как бы точен он ни был, немисливо передать все лексическое и стилистическое своеобразие цитируемых отрывков.

«Язык Джойса это больше, чем бунт против классицизма», — говорит он. «Это больше, чем возврат к анархии слэнга и блатного жаргона. Это попытка фиксировать слова, прежде чем определится их значение. Это речь человека, говорящего, верней пытающегося говорить под наркозом. Это язык подсознательного». Вот все, что может членораздельно сказать Гогарти в объемистой статье о книге своего друга.

В конце статьи Гогарти спрашивает себя, что является движущей силой этого произведения. Впрочем, приведу еще одну цитату: Гогарти усматривает в новой книге Джойса... «литературный большевизм, который попирает не только все устои и общепринятые формы выражения Прекрасного и Истины, но и самые основы осмысленной речи».

Итак, без «литературного большевизма» дело не обошлось. Надо же было зачислить Джойса в какую-нибудь категорию. Какой смех вызовет это у советских критиков, не над Джойсом, конечно, а над его друзьями... Но дадим Гогарти продолжить его мысль до конца:

«Книга в целом, возможно, имела единую конструкцию и единый смысл. Но что мешало писателю выразить этот смысл? Быть может, не следует искать частного значения в том, что всезначуще. Может быть, искать смысл в искусстве вообще старомодно? Это величайшая мистификация в литературе со времен «Оссиана» Макферсона».

Но что все это значит? Чем объяснить эти противоречивые оценки, прикрываемые потоком бессвязных слов, столь же невразумительных, как сама книга? Ясно, что Гогарти, ирландец, патриот и друг Джойса, ничего не понял в «Поминках по Финнегану» и не хочет в этом признаться.

«Нью-Йорк таймс» дал эту книгу на рецензию Педрэйку Колому. В своей подробной рецензии он также пытается дать анализ книги. Но, увы! Мистер Колом очень увертлив. Он, конечно, тоже ухватился за главу об «Анне Ливии» и снова рассказал нам, что Анна Ливия это, собственно, река Лиффей. После этого Колом подходит к своей основной проблеме:

«Задачей современного писателя, — пишет он, — является обладание настоящими словами, а не оболочкой слов, и умение располагать их. Слова должны парить, как голуби, а не вылетать с треском, как зерна кукурузы. И потому взоры всех подлинных английских писателей обращены на Джемса Джойса, самого просвещенного, самого тонкого и глубокого мастера самоценного слова».

Развивая эту мысль, Колом делает следующий вывод:

«Джойс, — говорит он, — подходит к про-

блеме слова не только как писатель, но и как музыкант, как лингвист, прошедший школу схоластической философии, в которой определенность и строгая точность являются обязательными. Эта забота о слове сделала его литературным виртуозом».

Но верно ли это?

Если и можно согласиться с тем, что Джойс подходит к слову как музыкант, то высказываемое критиком предположение о точности и определенности слова противоречит совершенно произвольной манипуляции Джойса со словами и даже буквами. Где здесь строгая точность?

Может быть, Колом расскажет нам, какая «строгая точность» заключена, например, в следующей цитате?

«Furtherc. this little eflingez is for a firefing called a flintforall. Face at the eased! O I fay. Face at the waist! Ho, you fie! Upwap and dump em, ace to ace!»

Педрэйку Колому нечего больше сказать в книге. Правда, он пытается объяснить ее и, будучи ирландцем, подсовывает Джойсу свои юношеские воспоминания, в робкой надежде, что тот примет их как объяснение своей собственной грандиозной непостижимости. Но Джойс лишь усмехается.

И Колом заключает воплем отчаяния: «Есть романы, которые широко развертывают перед нами мир в трех измерениях; тут же перед нами повествование, которое открыло новое измерение».

Что же думает об этой книге читатель?

Я могу говорить только о своих собственных впечатлениях. В книге нет сюжета, в ней нет характеров, нет фабулы. Главы не пронумерованы и не имеют названий. Джойс мог бы пойти и дальше: не нумеровать и страниц. Бесконечный поток слов, огромный мир слов, бьющихся и переплетающихся в беспорядке и принимающих фантастические формы. Различные языки ломают свои границы и сливаются в общем кричащем хаосе на безответных страницах книги Джойса. Фразы не имеют ни начала, ни конца. Вся книга кончается на артикле «the». Одной фразой Джойс хочет объять и охватить весь космос. И все-таки во всем этом есть какая-то дремотная, таинственная поэзия, странная, неясная музыка, как будто человек пытался создать великую симфонию при помощи слов вместо музыкальных знаков. Слово было принесено на алтарь загадочного «я» этого человека, и когда огонь алтаря погас, не осталось ничего, кроме груды искалеченных и разорванных букв. В ней попадают слова, которые когда-то имели подобие человеческих слов. Но как только начинаешь доискиваться в этих «джойсизмах» первоначального значения — все чары «джойсовской музыки» рассеиваются.

Колом в своем пристрастии к Джойсу как человеку назвал его книгу «повествованием». В книге нет повествования. «Ее нельзя читать подряд», утверждает Гогарти. Правильно, нельзя. Встаешь со стула и откладываешь книгу, чувствуя, что чтение ничем тебя не обогатило.

Литература погибла в руках Джемса Джойса потому, что его перо перестало быть оружием. Оно стало игрушкой, инструментом, на котором маэстро может лишь брэнчать. Играть на нем по-настоящему он бессилён. Великая полнокровная сила творчества, которую так явственно ощущаешь при чтении Горько-

го, у Джойса парализована, поражена в самом своем существе.

Вот еще один образец этого творчества:

«But, vrayedevraye Blankdeblank, god of all machineries and toместone of Barnstaple, by mortisection or vivisiture, splitten up or recomponded, an isaac jacquemин maуomormo milesian, how accountibus for him, moreblue?»

Неужели Педрэйк Колом станет утверждать, что здесь имеется «строгая точность»? Повидимому нет, но я сомневаюсь, согласится ли он с тем, что Джойс просто забавляется.

Лондон. Август 1939

Л. С Т О Я Н О В

Русская литература в Болгарии

Исторические условия, близость языка, глубоко социальный характер русской литературы и русской общественной мысли — все это предопределило влияние русской литературы на болгарскую. Такие писатели, как Любен Каравелов, Христо Ботев, П. Р. Славейков, Ив. Вазов, Алеко Константинов, в буквальном смысле слова вскормлены русской литературой. Пушкин, Лермонтов, Шевченко, Некрасов, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский хорошо известны в Болгарии.

В начале 70-х годов прошлого столетия в Болгарии вышел «Тарас Бульба» Гоголя в переводе литературного критика Нешо Бончева. Этот перевод до сих пор сохраняет свою художественную ценность. Любен Каравелов пишет стихи под влиянием Шевченко и Кольцова. П. Р. Славейков переводит отдельные стихотворения Пушкина.

Ботев и Каравелов учились в России — первый в Одессе, второй в Москве. Благодаря общению с прогрессивными русскими кругами они имели возможность познакомиться с идеями Чернышевского и Добролюбова. В ту пору в Россию приезжали многие представители болгарской молодежи, которые впоследствии перенесли на свою родину веяния русской передовой мысли. Один из них становится прототипом тургеневского Инсарова.

В 1880—1890 годы в Болгарии усиливается влияние русской литературы. Болгарская интеллигенция, воспитанная в России, по возвращении на родину широко популяризует русскую литературу. Русский язык и русская литература преподаются в школах как обязательный предмет.

Первые издания Пушкина появляются в Болгарии в начале 70-х годов: «Русалка» в переводе поэта К. Величкова, «Капитанская дочка» в переводе М. Г. Грекова, «Борис Годунов» в переводе Кирилла Христова и Христо Радевского; несколько позже были переведены «Моцарт и Сальери», «Полтава», «Бахчисарайский фонтан», «Повести Белкина» и «Арап Петра Великого».

В настоящее время на болгарский язык переведен почти весь Пушкин. «Евгений Онегин», помимо существовавших ранее прозаических и одного стихотворного перевода, к столетию со дня смерти Пушкина вышел в двух изданиях, в переводе Николая Хрелкова и М. Ковачева. Тогда же вышло и новое издание «Полтавы» в переводе Людмила Стоянова. Отдельные сборники пушкинских стихотворений издавались неоднократно. Однако вся лирика Пушкина рассеяна по периодическим изданиям; до сих пор еще нет полного собрания сочинений.

Исключительная популярность Пушкина в Болгарии особенно ярко проявилась во время пушкинских торжеств в 1937 году. Эти торжества охватили почти всю страну. На чтениях, утренниках, вечерах, в газетных и журнальных статьях, в театральных постановках — жизнь и творчество великого русского поэта получили всестороннее освещение. Прогрессивные болгарские писатели издали специальную брошюру о Пушкине, разошедшуюся в количестве 10 000 экземпляров.

Пушкин и Лермонтов — близкие, родные болгарскому народу поэты. Лермонтов имеет в Болгарии не меньше поклонников и